

Часть первая

Глава 1

— Вена — другая. Вы уже заметили?

— Но ведь это, кажется, написано на гербе? — спросила Ева.

Она поневоле вынырнула из тихого струящегося потока, в который была погружена не меньше получаса. Вернер читал газету, и Ева тоже делала вид, будто просматривает «Новый Венский журнал» на русском языке, отысканный ею среди множества разложенных в кофейне газет и журналов. Но, машинально перелистывая страницы, меньше всего она думала о том, что на них написано. Едва ли вообще можно было назвать мыслями те прозрачные невесомые промельки, которые плыли в ее голове, как апрельские облака над собором Святого Стефана. Плыли, сталкивались, убегали друг от друга, неузнаваемо преображались прежде, чем она успевала их разглядеть...

— Это девиз, — кивнул Вернер. — Не только девиз, но и смысл города, я бы сказал так.

Они говорили по-немецки, поэтому Ева сначала улавливала интонации своего собеседника, а уж потом — смысл его слов. После школы ей почти не приходилось говорить по-немецки — почти двадцать лет, с ума можно сойти! — и она была уверена, что забыла язык навсегда. И вдруг за неполный год, прожитый в Вене, оказалось, что несколько он не забыт, как вообще не может быть забыто усвоенное в детстве. Не зря Лева так горячо уверял ее в этом, когда уговаривал ехать с ним сюда.

— Я иногда думаю: что же стоит за этим словом? — по-медлив несколько секунд и не дождавшись от нее ответа, продолжил Вернер. — Что значит — другая? Есть какая-то неточность определения, не правда ли?

— Да, — наконец кивнула Ева. — Но, по-моему, эта неточность понятнее и точнее длинных объяснений.

— Вы правы. — Вернер улыбнулся, и улыбка тут же изменила его лицо; смягчилась даже твердая линия «габсбургского» подбородка. — Вы очень хорошо понимаете такие вещи.

Ева почувствовала легкую неловкость от его слов, хотя для неловкости не было ни малейшей причины. Он сказал лишь то, что мог бы сказать любой вежливый мужчина. Ощущение неловкости было связано только с его интонацией, которую Ева опять уловила отдельно от смысла сказанного. Но Вернер ничего ведь на этот раз не спросил, отвечать было необязательно, поэтому неловкость прошла прежде, чем стала заметна на ее лице; даже легкая тень не успела пробежать. И все-таки неловкость возникла, и не в первый раз.

— Еще кофе? — спохватился Вернер. — Извините, я не заметил. Я привык часами сидеть с одной чашечкой кофе и читать газеты. У нас ведь это принято, вы знаете, конечно? Итак, вы хотите еще раз меланж и апфельштрудель или теперь другое?

С тех пор как Лева начал работать в расположенном на Рингах университете, Ева часто встречалась с Вернером в Старом городе — чаще всего в этой кофейне у собора Святого Стефана. А теперь, весной, даже не в самой кофейне, а за столиками перед входом, которые здесь называли шанигартеном. Обычно она приходила сюда незадолго до полудня, чтобы дождаться Леву.

Это было время кофе и газет, и Вернер, как истинный венский житель, всегда сидел за одним и тем же столиком. Едва увидев его, пролистывающего какой-нибудь журнал, Ева ощущала неуловимый ветерок его ожидания, и ей казалось, что оно направлено именно на нее. Хотя Вернер ведь живет где-то рядом, и раньше тоже приходил сюда на чашку кофе и газеты, и сам говорил ей об этом.

Неравный брак

Вернер быстро изучил Евин вкус: не мороженое и даже не роскошный захер-торт, а кофе-меланж — смесь из нескольких сортов — и яблочный штрудель из венского слоеного теста. Утонченный вкус, так он сказал однажды.

Официант поставил на крошечный, как подставка для цветов, столик две чашки с бело-золотистой пенкой.

— Как смешиваются запахи, — заметила Ева. — Даже не верится, что мы в городе, а не где-нибудь в поместье над Дунаем.

— А! — догадался Вернер. — Пахнет кофе и конским навозом, да?

— Да! — засмеялась Ева. — А я не решалась сказать.

— Я кажусь вам слишком церемонным. — Лицо Вернера снова стало ироничным, каким было в день их знакомства, каким бывало чаще всего. — Напрасно! У нас принят такой стиль поведения. Со стороны, наверное, кажется нарочитым, но мы привыкли с детства и не замечаем. Однако я не думал, что вас это угнетает.

— Меня это несколько не угнетает, — возразила Ева. — Я тоже привыкла, и даже сразу привыкла здесь. Удивительно, правда? В России ведь совсем наоборот.

— Ничего удивительного, — пожал плечами Вернер. — В России, возможно, и наоборот — даже наверное наоборот, я успел заметить. Но я не стал бы отождествлять вас с огромными массами народа, к которому вы принадлежите. В вас есть что-то очень мне близкое... А фиакр, я думаю, стоит взять. — Он мгновенно сменил тему, наверное, заметив промельк неловкости в Евиных глазах. — Было бы странно жить в Вене и не прокатиться вдоль Рингов в фиакре.

Это было бы не только странно, но и просто невозможно. Старинных экипажей в полукольце бульваров было едва ли не больше, чем автомобилей. Машины подстраивались под их неторопливый ход, а кучеры в традиционной одежде смотрелись на своих высоких сиденьях даже более естественно, чем водители за рулем. И, конечно, Ева с Левой едва ли не в день приезда успели прокатиться по Старому городу в таком неотразимом экипаже.

— Только не сейчас, — покачала головой Ева. — Я думаю, Лева появится с минуты на минуту, у него занятия закончились полчаса назад.

— Откуда вы знаете? — удивился Вернер. — Вы ведь даже не взглянули на часы.

— Я всегда чувствую, который час, — объяснила Ева. — Это у меня с самого детства, какая-то аномалия. Или, наоборот, дарование. Единственное мое дарование.

— Вы действительно так думаете? — усмехнулся Вернер. — Единственное? Что ж, фиакр можно взять не сейчас. Но в таком случае обещайте, пожалуйста, что вскоре окажете мне честь и прокатитесь со мною по Вене в этой сентиментальной колыхаге.

— Пожалуйста, — улыбнулась она. — С удовольствием.

— Ловлю вас на слове. В следующую нашу встречу мы договоримся о времени, не правда ли? А вот, кстати, и ваш супруг. Добрый день, господин Горейно!

Обернувшись, Ева тоже увидела мужа. Лев Александрович уже пересек площадь перед собором и, широко улыбаясь, шел к шанигартену.

— Гутен таг, херр де Ферваль! — радостно произнес он, остановившись у столика; Вернер тоже встал. — Чем, помимо прочего, прекрасна Вена — это тем, что в привычном кафе в привычный час непременно встретишь людей, которых и ожидал здесь встретить. Прелесть этой размеренности так велика, что я до сих пор воспринимаю ее как подарок!

Лева не говорил по-немецки, но понимал, по его словам, почти все. А если все-таки не понимал что-нибудь существенное, то бросал быстрый взгляд на жену, и Ева тут же переводила. Вернер, напротив, понимал по-русски, как он говорил, ровно столько, сколько понимает любой европеец, однажды посетивший Москву: «водка — матрешка — на здоровье». Ему Ева при случае переводила слово в слово. Это было для нее совсем не трудно, тем более что Вернер разговаривал с нею не по-венски, а на чистом литературном немецком. Ева даже радовалась, когда приходилось переводить: в такие минуты между нею и Вернером исчезали

Неравный брак

те странные промельки неловкости, которым она так и не могла найти разумного объяснения.

Из-за явно ощутимой языковой преграды Лева не часто общался с господином де Фервалем, предоставляя жене самой поддерживать это во всех отношениях полезное знакомство.

И сейчас Ева угадывала нетерпение в открытой, радостной улыбке своего мужа. Лева явно хотел поскорее уйти: наконец, устал за время семинара, надоело постоянно быть готовым к непринужденным любезностям.

— А ты, Евочка, чудесно смотришься за этим столиком, очень органично, — тем же непринужденным тоном заметил он. — Венская весна, запах кофе, женщина в белом платье рядом с таким элегантным собеседником... Поэт и муза!

Муза или не муза — тем более что Вернер был не поэтом, а художником, но Ева и сама радовалась и дню этому, и апрельским облакам над собором, и даже своему белому платью. Платье было батистовое, с вышивкой ришелье. Мама особенно любила эту вышивку и с самого детства украшала ею дочкины платья — считала, что Еве, как никому другому, идут эти причудливые воздушные узоры.

— Платье прекрасно, я не преминул сообщить вашей жене свое мнение, — кивнул Вернер. — Ведь это ручная работа, не так ли?

В самом деле, он сказал что-то такое, как только Ева присела рядом с ним за столик. Но его комплименты всегда произносились таким тоном, как будто разумелись сами собою, поэтому Ева считала их обычным проявлением вежливости. К тому же Вернер сам выглядел так безупречно, что она вообще не замечала, во что именно он одет. Казалось, что господин Ферваль и проснулся сегодня вот в этом летнем костюме такого же неуловимо благородного цвета, как пенка на кофе-меланж.

— А что? — Лева явно старался поддержать беседу ровно до той минуты, когда прилично будет раскланяться. — Я всегда считал, что ты просто рождена для того, чтобы быть музой, а не учительницей русского языка! Это, если угодно,

твое жизненное предназначение, милая, уж позволь мне судить как поэту и твоему мужу.

— Позволяю, — улыбнулась Ева. — Если ты считаешь меня своей музой — что ж, тебе лучше знать. До свидания, господин Ферваль. Как всегда, рада была вас видеть.

Она сама не понимала, почему в присутствии мужа называет Вернера по фамилии. Они давно уже обращались друг к другу по имени, хотя и оставались на «вы». Еве всегда было проще говорить человеку «вы». Они и слевой не переходили на «ты» до первой ночи, только в постели она наконец сказала, что теперь это, наверное, звучит странно. Ну, а Вернера с его венским стилем общения, который Лева называл «цирлих-манирлих», взаимное «вы» тоже наверняка не угнетало.

Впрочем, Ева уже шла рядом с мужем через площадь к метро, и обо всех этих тонкостях можно было больше не думать. Тем более что предстоит уик-энд и в следующий раз она увидит Вернера не раньше чем в понедельник.

— Уф-ф, — выдохнул Лева. — Слава Богу! Он, конечно, человек во всех отношениях приятный, да и все они тут приятные, но сил моих больше нет. Пять дней в неделю жить на чужой лад, да еще на австрийский, — этого, Евочка, ни одна душа живая не выдержит. Я удивляюсь, как ты выдерживаешь. Ты, правда, поменьше среди них вертишься, да и вообще...

Что «вообще», Еве было понятно. Конечно, Лева не испытывает ни малейшей потребности плевать за столом, класть ноги на скатерть или сморкаться на тротуар. Но и излишняя утонченность поведения ему, как всякому русскому мужчине, тоже не присуща. А вот Ева, как он считает, вписалась в этот самый венский стиль так хорошо, как будто была прямой прапраправнучкой императрицы Марии-Терезии.

— А ты еще ехать не хотела! — словно угадав ее мысли, сказал Лева. — Я же говорил, ты себя здесь будешь чувствовать как рыба в воде. Видишь, так оно и вышло.

— Я ведь не потому ехать не хотела, — возразила она. — Совсем не потому...

Неравный брак

...Вена оказалась для Евы полной неожиданностью. То есть, конечно, не сам город Вена, а то, что муж, с которым она и знакома-то была меньше полугода, через месяц после зага сообщил о предстоящей поездке в Австрию.

— Ты не рада? — спросил он, заметив удивление в ее глазах. — Почему?

— Я просто не ожидала, — помедлив, ответила Ева. — Я как-то не готова к этому, Лева, да еще на целый год...

— В худшем случае на год, а повезет, так и подольше, — уточнил он и добавил, поморщившись: — Ты, милая моя, ни к чему не бываешь готова. Это вообще твой стиль. Хоть в Воркуту тебя зови, хоть в Вену. Извини, — спохватился он. — Извини, Евочка, я не хотел тебя обидеть. Я ведь без тебя жить не могу, ты же знаешь.

Ева совсем не обиделась, потому что Лева говорил чистую правду. И жить он без нее действительно не может, и к любым событиям она действительно не готова, даже на замужество не решалась чуть не до самого дня свадьбы. До последней минуты колебалась, хотя всем, и ей самой в первую очередь, ясно было, что лучшей пары не найти: пятьдесят лет, разведенный, дети взрослые, умный, интеллигентный, любит, надыхаться на нее не может... И обеспечен прекрасно, и бытовых проблем никаких — квартира своя, машина. Все, что должен иметь человек, не дурачком проживший жизнь! А ей тридцать три года, а Лева всего лишь второй ее мужчина, а первый ни о какой женитьбе вообще не заговаривал за все шесть лет унылой близости...

— Я просто не ожидала, что работу придется бросить, — извиняющимся тоном объяснила Ева.

— Не вижу ничего страшного, — пожал плечами Лева. — Во-первых, если мы вернемся, тебя с удовольствием возьмут обратно. Учителей не хватает, ты же сама прекрасно знаешь. А во-вторых, Евочка, мне всегда казалось, что для тебя работа... Как бы это поточнее выразиться... Едва ли это было твоей мечтой с детства — работать учительницей! Ведь правда? Как-то ты не вписываешься в облик школьной словесницы. Не обижайся, но их же с двух слов узна-

ешь по назидательной интонации. Особый женский тип!
А ты совсем другая.

И в этом он тоже не ошибался. Ева в самом деле не думала о будущей работе, когда поступала на филфак МГУ. Все получилось как-то само собою. Книжки любила читать, особенно русскую классику, потому и пошла на русское отделение, хотя окончила лучшую немецкую спецшколу, в которой к тому же преподавался и английский. Бабушка Эмилия тогда еще убеждала ее, что с такой подготовкой все идут на романо-германское, потому что перспективы не сравнить. А что после русского, учительницей станешь? Не смеди людей, Ева, какая из тебя учительница, ты на кошку и то не умеешь прикрикнуть!

Надя, наоборот, радовалась тому, что старшая дочь будет учительницей. Учительницей русской литературы была Надина мама, Евина черниговская бабушка Поля, умершая за несколько лет до того, как внучка окончила университет. Ева знала: мама втайне переживает из-за того, что дети не слишком тянутся к черниговской родне, даже на лето съездить — и то с кратовской дачи их не вытащишь. Особенно Юрочку: любимый внук Эмилии Яковлевны, та и не представляет, зачем с ним расставаться хотя бы на месяц. Даже из заграничных командировок всегда звонит, чтобы с ним поговорить, выкраивая деньги из жалких советских суточных.

Одна только Ева, в которой баба Поля души не чаяла, каждый год ездила к ней в Чернигов — в город, где она родилась, где прошли ее первые годы. И хорошо, если она станет учительницей, получится вроде бы в память бабушки! А что характер у нее не слишком подходящий — ну, мало ли...

Но вообще-то бабушка Эмилия была права: вряд ли Ева смогла бы работать в школе. В любой не смогла бы, кроме своей — которую окончила сама, которую любила, в которой директором до сих пор был их любимый вечный Мафусаил и помину не было казарменной грубости ни среди детей, ни среди учителей.

Так что в Левиных словах все было логично, с ним невозможно было не согласиться. И Ева сама не понимала,

Неравный брак

почему не радуется такое приятное событие: жизнь с любящим мужем в чудесном городе, о котором она столько читала, в котором мечтает побывать всякий интеллигентный человек.

«Я просто боюсь оставить свой привычный кокон, — подумала она. — Как всегда! Боже мой, хоть бы раз в жизни почувствовать: я должна поступить только так, и никак иначе, я просто не могу поступить иначе... Ведь и мама такая, и Юра, и даже Полинка. Одна я не способна на сильные чувства!»

— Не переживай, милая, — успокаивающим тоном сказал Лева. — Кому рассказать — так ведь не поверят, из-за чего ты расстраиваешься. Ну, годик не придется талдычить каждый день, когда родился Пушкин да как спрягать «брить-стелить». Зато времени свободного у тебя будет предостаточно, хоть весь день стишки читай. Я тебе еще новых накропаю!

Он часто вот так, необходимо, подшучивал над Евиной любовью к поэзии. Но свои новые стихи, и даже тексты к эстрадным песенкам, показывал в первую очередь ей и с заметным волнением ожидал, что она скажет.

В Шереметьеве она прощалась с родителями так печально, что даже всегда сдержанная мама не выдержала.

— Перестань, Ева, — сказала Надя. — Не смотри ты так обреченно, не на каторгу отправляешься! Хотя Волконская, по-моему, тоже не от большой любви за мужем поехала, — добавила она. — Так ведь у Некрасова написано?

— Так, — улыбнулась Ева. — Все-то ты помнишь, мам.

— А что мне еще помнить? — улыбнулась в ответ Надя. — Что в школе проходили да жизнь.

Мама родила Еву в семнадцать лет, едва окончив школу. Потом приехала из Чернигова в Москву, потом папа попал под машину, ему отняли ногу, начались бесконечные больницы, операции, протезы... Потом родился Юра, тем более стало не до учебы. А спустя десять лет, когда появилась на свет Полинка, Надя и вовсе уже не тешила себя мечтами о Строгановском училище, в которое хотела поступать

в ранней юности. Да и так ли уж сильно хотела? Зная Надин характер, нетрудно было догадаться, что это полудетское желание не было у нее всепоглощающим...

Папа выглядел не веселее дочки; она заметила, что у него даже руки дрожат от волнения. Валентин Юрьевич вообще относился к Еве с особой трепетностью. Ненаглядная его Надя родила старшую дочь от польского студента, приезжавшего на каникулы из Киева в Чернигов. Студент уехал в Польшу, след его в конце концов изгладился из Надиного юного сознания, а Ева и вовсе понятия о нем не имела. Она узнала о его существовании случайно, всего год назад, когда пан Адам Серпиньски свалился как снег на голову, вздумав на старости лет повидать свою взрослую дочь.

Валентин Юрьевич был для нее единственным отцом, и после неожиданного визита пана Адама ровным счетом ничего не изменилось. Ева даже удивлялась: неужели папа всерьез мог волноваться, думая, будто дочь станет относиться к нему как к чужому, если узнает, что в ней течет не его кровь?

А волновался он за Еву всегда, сколько она себя помнила. Валентин Юрьевич не был человеком открытых чувств и никогда не рассуждал вслух о том, что его тревожило. Но связь между ним и старшей дочерью была так незаметно крепка, что и слов никаких не требовалось.

По Евиному впечатлению, поводов для родительских тревог не было вовсе. Жизнь у нее всегда была более чем размеренная, работа — не сравнить с Юриной, талантов никаких, не то что у Полинки. Ну, замуж долго не могла выйти, но теперь ведь и это позади.

Но Валентин Юрьевич всегда чувствовал ее душевную незащищенность и почему-то считал, что ни один мужчина не сможет оградить Еву от превратностей жизни. Даже такой житейски умелый, как Лев Александрович. Папа доверял в этом смысле только себе и Юре. Но не может же взрослая женщина всю жизнь прожить под крылышком отца и брата! Тем более что до Юркиного «крылышка» еще попробуй теперь дотянись, до Сахалина-то...

Неравный брак

— Я, может, приеду скоро тебя проведать. — Валентин Юрьевич обнял Еву и замер на мгновение, как будто боялся ее отпускать. — У нас с Братиславой контакты намечаются, командировки будут, а это ведь рядом, без визы можно в Австрию ездить. Придумаем что-нибудь... Или вдруг конференция какая-нибудь в Вене!

Отец работал в Институте Курчатова, занимался безопасностью ядерных объектов и часто ездил теперь за границу. Не то что раньше, когда он был ужасно засекреченный и даже телефон у них дома прослушивался!

Лева терпеливо ждал, пока жена распрощается с родственниками. Только когда подошла их очередь у таможенной стойки, он позвал наконец:

— Евочка, пора! Счастливо оставаться, Надежда Павловна. Валентин Юрьевич, ради Бога, не беспокойтесь. Ей там будет прекрасно! Мы позвоним сразу же, как прибудем.

С родителями расставаться было, конечно, непривычно, но Ева понимала, что не только в этом причина ее душевной смуты.

Она совсем не знала Льва Александровича. Да они просто слишком мало были знакомы, чтобы успеть друг друга узнать! Правда, для Левы и двух месяцев оказалось достаточно. В первую же ночь он попросил Еву стать его женой и еще три месяца терпеливо дожидался ее согласия.

Ева понимала, что вышла за него замуж главным образом потому, что он очень этого хотел. Она всегда была ему необходима, она это чувствовала, да Лева и не скрывал. И в конце концов, он не был ей неприятен, с ним было интересно... Никаких причин не было ему отказывать, особенно при ее незавидном одиночестве.

— Ты что, до сих пор размышляешь? — поразилась тогда ее подружка, математичка Галочка, и заявила решительно: — Народ тебя не поймет!

А Ева и сама себя не понимала.

И вдруг выясняется, что надо уехать, переменить жизнь еще резче, чем она предполагала, остаться наедине слевой и своими мыслями. Как все это будет?